

ГРАФЪ Д. А. МИЛЮТИНЪ

ВЪ ОТЗЫВАХЪ ЕГО СОВРЕМЕННОКОВЪ.

«Еще одинъ свѣточъ погасъ
Средь сумерекъ скорбнаго міра»...
«Wer für die Besten Seiner Zeit gelebt-der
hat gelebt für alle Zeiten».

Графъ Д. А. Милютинъ... Какое славное, чистое имя! Какая красивая жизнь! Все въ Милютинѣ отмѣчено печатью высокихъ дарованій, сердечностью, благородствомъ, простотой, скромностью и изумительнымъ трудолюбіемъ.

Съ первыхъ дней своей юности онъ всѣмъ существомъ своимъ отдался труду. Объясняется это просто. Его мать—сестра извѣстнаго графа И. Д. Киселева—пріучила его смотрѣть на трудъ, какъ на благородное и пріятное дѣло. Небогатый дворянинъ, скромный артиллерійскій офицеръ, прекрасно окончивъ курсъ Военной академіи, сразу проявляетъ замѣтную дѣятельность, участвуя между прочимъ въ разныхъ изданіяхъ.

Изъ мирнаго Петербурга жизненная волна переноситъ его (1839 г.) на боевой Кавказъ, гдѣ все дышало тогда враждой и местию къ русскимъ. Въ схваткахъ съ горцами «на классической

землѣ Кавказа», при укрощеніи ихъ первобытной дикости, онъ былъ раненъ. Какъ вся боевая семья русскихъ богатырей, проливавшихъ свою кровь на Кавказѣ, Милютинъ полюбилъ этотъ волшебный поэтический край. И какъ не восторгаться удалью его сыновъ, лазурью его небесъ, алмазами его сверкающихъ вершинъ! Полстоletія Россія боролась тамъ, какъ говорилъ впоследствии Милютинъ, не изъ эгоистическихъ и честолюбивыхъ стремленій къ поработенію независимыхъ народовъ, а руководимая христіанскимъ челоуѣколюбіемъ, обильно жертвуя людьми и золотомъ (Изъ рѣчи Д. А. Милютина; соч. Д. П. Струкова—Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ, стр. 244).

Возвратясь на сѣверъ, Милютинъ посвятилъ себя наукѣ, занявъ каяедру (1845) въ Военной академіи. По свидѣтельству его слушателя, Н. Г. Залѣсова «читалъ онъ чрезвычайно увлекательно» («Рус. Стар.» 1903, іюнь, 531). Своими трудами Милютинъ заложилъ прочную основу наукѣ—военной статисткѣ.

Со времени академической дѣятельности Милютина, его обаятельная личность стала вырисовываться все ярче и опредѣленнѣе.

Извѣстный Грановскій писалъ Фролову: «Никитенко кланяется тебѣ, также и Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, пріѣзжавшій (на юбилей Московскаго университета) депутатомъ отъ Военной академіи. Чѣмъ болѣе знаю этого челоуѣка, тѣмъ болѣе питаю къ нему уваженія и любви. Благороднѣйшій типъ воина-гражданина» (Барсуковъ. Погодинъ, т. 12, стр. 357). Въ запискахъ академика Никитенко читаемъ: «Меня совсѣмъ плѣнилъ генераль Д. А. Милютинъ. Это челоуѣкъ съ благороднымъ образомъ мыслей, свѣтлымъ умомъ и широкимъ образованіемъ. Онъ отлично понимаетъ настоящее положеніе вещей, скудость нашего образованія и необходимость лучшаго (Дневникъ А. В. Никитенко, 1855 г., т. I, стр. 587).

Нѣсколько позже (май 1859 г.) Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ писалъ кн. А. П. Барятинскому: «Съ большимъ удовольствіемъ читаль... письмо къ Головину твоего почтеннаго помощника Д. А. Милютина, котораго душевно уважаю» («Рус. Арх.» 1889 г., т. I, 332).

Въ это время Милютинъ во всеоружіи знанія завоевываетъ себѣ почетное мѣсто среди изслѣдователей родной старины. Онъ написалъ «Исторію войны 1799 г. между Россіей и Франціей въ царствованіе Императора Павла I». Это сочиненіе дало ему впоследствии почетное имя «отца суворовской литературы». Я полагаю, что онъ явился не только отцомъ суворовской литературы,

но и въ значительной мѣрѣ способствовали поднятію суворовскаго культа. Значеніе описаннаго событія видно изъ первыхъ строкъ предисловія. Воспроизведу ихъ:

«1799 годъ принадлежитъ къ числу тѣхъ достопамятныхъ эпохъ отечественной исторіи, которыми Россія въ правѣ гордиться. Этотъ годъ славный и для русскаго оружія, и для русской дипломатіи. Императоръ Павелъ I сталъ во главѣ грознаго союза, ополчившагося противъ французской республики. Судьба цѣлой Европы, можно сказать, рѣшалась въ кабинетѣ Россійскаго Монарха. Войска русскія сражались на обширномъ театрѣ войны — отъ Италіи до Голландіи: впервые появились они такъ далеко отъ предѣловъ отечества. Флагъ нашъ развѣвался на всѣхъ моряхъ Европейскихъ. Громкія побѣды въ Италіи и дивный переходъ черезъ Альпы упрочили воинскую славу знаменитаго русскаго полководца Суворова» (Д. А. Милютинъ, стр. 1).

Книга Милютина была принята общимъ хоромъ похвалъ. Государь пожаловалъ автору брилліантовый перстень; Академія наукъ, по заключенію извѣстнаго историка Н. Г. Устрялова, присудила ему полную Демидовскую премію; знаменитый Грановскій привѣтствовалъ полковника Милютина слѣдующимъ отзывомъ:

«Его (Милютина) собственное изложеніе событій отличается необыкновенною ясностію и спокойствіемъ взгляда, неотуманеннаго никакими предубѣжденіями, и тою благородною простотою, которая, по нашему мнѣнію, составляетъ необходимую принадлежность всякаго значительнаго историческаго творенія. Намъ рѣдко случалось читать книгу, въ такой степени поучительную и увлекательную (Грановскій, ч. II).

Грановскій не удержался и выписалъ нѣсколько сценъ изъ гордой повѣсти о богатырскомъ подвигѣ перехода русскихъ войскъ черезъ Альпы. И я понимаю Грановскаго. Есть дивныя страницы нашей исторіи, которыя хочется читать и перечитывать, повторять, какъ молитву.

«Первый приступъ былъ отбитъ съ сильною потерею; но войска русскія ничего не считали невозможнымъ: одушевленные присутствіемъ Суворова и Великаго Князя Константина Павловича, они снова взбираются на скалы, уже облитыя кровью. И снова отбиты. Потеря была еще сильнѣе прежняго; уже до 1,200 человекъ вышло изъ строя. Однако-жъ упрямый Суворовъ оставался непреклоннымъ и рѣшился во что бы то ни стало выбить непріятеля изъ сильной позиціи.

«Солдаты наши, непривычные къ горамъ, съ неимоверными усилями карабкались со скалы на скалу, то подсаживая другъ друга, то упираясь штыками. Даже и привычные охотники швейцарскіе никогда не ступали на эти недосыгаемые выси. Войска были утомлены до крайности, гора казалась имъ безконечною; вершина ея какъ будто безпрестанно все росла передъ ихъ глазами. По временамъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ, совсѣмъ скрывали ее изъ виду. Было уже 4 часа пополудни (Грановскій, ч. II, стр. 288).

«Бой окончился побѣдой для русскихъ героевъ. Суворова встрѣчаетъ монахъ-отшельникъ и предлагаетъ ему подкрѣпиться горохомъ и картофелемъ.— «Нѣтъ, святой отецъ», сказалъ ему Суворовъ; «какъ ни голодны мы, но прежде всего должны помолиться Богу; отслужите намъ молебень, а затѣмъ и за трапезу»...

Герои продолжаютъ свой ужасный путь, свои изумительные подвиги. «Сколько разъ дрожа отъ стужи, перебирались они въ бродъ, выше колѣна въ водѣ, черезъ быстрые горные потоки. Промоченные до костей страшнымъ ливнемъ, они вдругъ были застигаемы снѣгомъ, вьюгой, метелью; мокрая одежда покрывалась ледяною корой. Съ трудомъ добравшись, наконецъ, до вершины горъ, солдаты ночевали на снѣгу или на голыхъ скалахъ и не имѣли ни одного прута, чтобы отогрѣть окоченѣлые члены. По нѣсколькимъ дней оставаясь безъ провіанта, братски дѣлились они между собою ничтожными крохами. Офицеры и генералы сами были не въ лучшемъ положеніи: лишившись своихъ вьюковъ, они не имѣли ни нищи, ни обуви, ни теплой одежды; солдаты кое-какъ на ночлегахъ чинили своимъ офицерамъ остатки сапоговъ. При самомъ бѣдственномъ положеніи русскихъ войскъ, никогда не слышалось ни ропота, ни жалобъ. Невесело было на душѣ; подчасъ ворчали солдаты на непогоду, на горы, на голодъ, но унынія не знали; не заботились вовсе о томъ, что окружены непріателемъ, не боялись нисколько встрѣчи съ французами». (Грановскій, ч. II, стр. 290).

Далѣе историкъ Милютинъ рисуетъ намъ обликъ безсмертнаго нашего полководца.

«То подъ дождемъ проливнымъ, то въ метель и вьюгу, 70-лѣтній полководецъ ѣхалъ бодро на казачьей лошаdkѣ, въ обыкновенной своей легкой одеждѣ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ его, были минуты, когда онъ даже отчаявался спасти свое войско; однако-жъ и тутъ сохранилъ всю свою силу душевную и твердую рѣшимость спасти по крайней мѣрѣ честь русскаго ору-

жія.—«Не дамъ костей своихъ врагамъ», говорилъ онъ, «умру здѣсь и пусть на могилѣ моей будетъ надпись: Суворовъ—жертва измѣны, но не трусости»...

Насладившись выписками, московскій профессоръ продолжаетъ: «Автору (Милютину) можно спокойно ждать ихъ (критиковъ) приговора, ибо онъ является передъ ними съ трудомъ новымъ и оригинальнымъ, значительно раздвигающимъ кругъ нашихъ знаній о великихъ событіяхъ, происходившихъ въ Европѣ въ концѣ прошлаго вѣка».

«Книга его можетъ вызвать возраженія, но никто не станетъ у ней оспаривать значенія первокласснаго историческаго труда» (Грановскій, ч. II, стр. 292).

Еще болѣе восторженный и краснорѣчивый отзывъ о книгѣ далъ другой профессоръ московскаго университета столь-же извѣстный Погодинъ. Онъ посвятилъ этому сочиненію обширную рецензію. «Сокровище пріобрѣла въ этой книгѣ новая русская исторія», писалъ онъ, «сокровище пріобрѣла современная литература, которая состоитъ большею частью изъ мелочей, пошлостей и претензій; сокровище пріобрѣла читающая публика, коей, послѣ грязныхъ явленій ежедневной жизни, славно будетъ отдохнуть на подвигахъ чести, мужества, храбрости, силы, талантовъ, въ кругу обширныхъ соображеній... и какая сцена?—Италія, Альпы, Аппенины, классическія воспоминанія! Сокровище пріобрѣло наконецъ въ этой книгѣ военное учащееся юношество, которое найдетъ себѣ здѣсь цѣлый курсъ въ лицахъ и дѣйствіяхъ—не тактики, не стратегіи, а науки побѣждать, на русскомъ языкѣ, въ русскомъ духѣ, съ русскими приѣмами... Кампанія 1799 года—это первая встрѣча русской идеи съ западной, той идеи, которая управляла дѣйствіями Александра и дѣйствуетъ съ такою силою въ наше время... Главными дѣйствующими лицами являются здѣсь Императоръ Павелъ и фельдмаршалъ Суворовъ... Императора Павла мы видимъ здѣсь со стороны блистательной... Что за мелочь, что за скудость, что за жалость представляютъ, въ сравненіи съ его твердой рѣчью, всѣ козни австрійскія, всѣ происки англійскіе, всѣ умыслы прусскіе! Это былъ Государь европейскій, въ полномъ смыслѣ этого слова, а прочіе его современники—черѣзполосные помѣщики... Чувство какой то законной гордости, чувство сознанія своего достоинства—объемлетъ невольно душу русскаго, когда онъ читаетъ простое, безыскусственное, подлинное описаніе событій этого времени» (Барсуковъ. Погодинъ, т. 12, стр. 401—402).

Рецензія Погодина весьма понравилась Д. А. Милютину и онъ, 10-го марта 1853 г., писалъ ему: «Хотя не имѣю чести быть лично вамъ знакомымъ, рѣшаюсь однако же писать къ вамъ, чтобы выразить искреннѣйшую признательность за помѣщенный въ «Москвитянинѣ» лестный отзывъ вашъ о моемъ трудѣ». (Барсуковъ. Погодинъ, т. 12, стр. 403).

Между ними завязывается знакомство и значительная переписка, иногда, видимо, волновавшая обѣ стороны.

Милютинъ былъ уже министромъ, когда однажды Погодинъ пожелалъ пристроить свою статью въ «Инвалидѣ». Статья оказалась и длинной, и рѣзкой. Ее пришлось вернуть. При этомъ Милютинъ писалъ: «Еще разъ прошу извиненія, что долго задержалъ вашу статью. Ради Бога не сердитесь. Впредь не буду». (Барсуковъ. Погодинъ, т. 20, стр. 77—78).

Въ другой разъ произошла маленькая непріятность съ гонораромъ, высланнымъ Погодину. Академикъ разсердился и рѣзко отвѣтилъ редактору. «Присланные 38 р. 50 к. я велѣлъ раздать бѣднымъ съ обязанностью помолиться о редакціи «Русскаго Инвалида», да ниспоплетъ ей Богъ духа премудрости при исполненіи трудныхъ обязанностей, на нее возложенныхъ». (Барсуковъ, т. 20, стр. 205). Тоже, но въ болѣе сдержанной формѣ, Погодинъ сообщилъ Милютину.

Успѣхъ книги Милютина росъ и впоследствии онъ получилъ отъ петербургскаго университета *honoris causa* званіе доктора исторіи и затѣмъ сдѣлался почетнымъ членомъ Академіи наукъ. Объ этомъ въ воспоминаніяхъ Никитенки говорится такъ: «Провозглашеніе военнаго министра Д. А. Милютина докторомъ исторіи было принято съ живымъ участіемъ и сопровождалось громкими рукоплесканіями. И ему самому, кажется, это было пріятно. Онъ два раза вставалъ, чтобы благодарить публику» (Никитенко, «Моя повѣсть», стр. 127).

«Въ общемъ собраніи Академіи наукъ», значитъ въ другомъ мѣстѣ записокъ Никитенки, «президентъ предложилъ выбрать въ почетные члены: министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого, Дмитрія Алексѣевича Милютина, Валуева и министра Зеленаго. Выбраны (только) два первые. У графа Толстого были три отрицательныхъ голоса, у Милютина два (Никитенко, «Моя повѣсть», стр. 129).

Интересно отмѣтить, что племянникъ генералиссимуса Суворова — Андрей Ивановичъ Горчаковъ написалъ Милютину: «Какъ

очевидецъ всѣхъ событій 1799 г. и дѣйствующее лицо, я считаю не лишнимъ сказать, что все сочиненіе ваше преисполнено истинною и ясностью».

Когда появилось 2-е изданіе, его очень сочувственно привѣтствовалъ компетентный, даровитый и заслужившій себѣ впоследствии громкую извѣстность Н. Н. Обручевъ. Онъ отмѣтилъ, что общество, раскупившее 1-е изданіе, показало свою «любовь къ серьезнымъ сочиненіямъ» и свое умѣнье «цѣнить добросовѣстный трудъ». Милютинъ съ своей стороны «употребилъ новыя усилія для усовершенствованія труда». «Только теперь», говорилъ Н. Обручевъ, «изъ подъ пера новаго историка личность фельдмаршала выступила въ полномъ свѣтѣ и убѣдила насъ, что до настоящаго времени мы еще не имѣли ни одного достойнаго ея портрета». Далѣе Н. Обручевъ отмѣчаетъ, что Милютинъ съ рѣдкимъ тактомъ поддерживаеъ (въ равновѣсіи) военный и политическій интересъ разсказа». Н. Обручевъ находитъ, что, высказывавшіеся до него критики скорѣе мало, чѣмъ много, сказали о достоинствахъ изслѣдованія Милютина. Въ заключеніе, Н. Обручевъ, сравнивъ Милютина съ Тьеромъ, отдаетъ рѣшительное преимущество первому и ставитъ Милютина не только выше «всѣхъ нашихъ военныхъ историографовъ», но и выше Тьера («Отеч. Зап.» 1858, №№ 1 и 2).

Со дня выхода книги Милютина прошло полстолѣтія. И что же? Книга сохранила свою свѣжесть, свое значеніе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ послѣдній по времени лучший біографъ Суворова—генералъ Петрушевскій. «Этотъ знаменитый военно-историческій трудъ», писалъ онъ въ 1900 г., «не утратилъ до сихъ поръ ни одного изъ своихъ многочисленныхъ достоинствъ, несмотря на то, что въ послѣднее время, особенно въ юбилейные годы, явилось не мало сочиненій о Суворовѣ» (А. Петрушевскій. Крат. обзор. Сувор. литер., стр. 87).

Милютинъ извлекъ изъ архива все, что имѣло какую-либо цѣнность для исторіи войны 1799 г. (Петрушевскій. Суворовъ. III, стр. 424). «Методъ его изслѣдованія отличается замѣчательною основательностью, добросовѣстностью и критическимъ талантомъ». Прибавьте къ этому «прекрасное изложеніе».

Есть въ ней и слабыя стороны; къ числу нихъ принадлежать отчасти: односторонняя, слишкомъ снисходительная оцѣнка русской политики той эпохи; недостатокъ категоричности въ нѣкоторыхъ выводахъ о Суворовѣ; неполнота его военной характеристики... Таковы единственные недостатки. Однако эти другіе частныя

недостатки труда графа Милютина видны только вооруженному глазу и совершенно заслоняются большими его достоинствами. Къ достоинствамъ же Петрушевскій приобщаетъ и умѣнье автора сказать многое въ немногихъ словахъ.

«Прекрасное произведеніе гр. Милютина остается тѣмъ же, чѣмъ оно было, т. е. высимъ по достоинству трудомъ во всей русской военной исторіи, доселѣ появившейся въ печати, а самъ авторъ—«отцомъ суворовской литературы» (А. Петрушевскій, с. 89).

Исторія войны 1799 г. не единственный историческій трудъ Милютина. Онъ издалъ «Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ» (Спб., 1850 года). Онъ готовился, по Высочайшему повелѣнію, писать «Исторію русскаго владычества на Кавказѣ (Барсуковъ. Погодинъ, т. 12, стр. 406). Отъ его дяди—гр. И. Д. Киселева, по завѣщанію, къ Милютину перешель обширный архивъ, слѣды пользованія которымъ можно видѣть, на примѣръ, въ «Рус. Стар.» (1887, июль, стр. 226—335; см. брошюру «Памяти А. Ив. Заблоцкаго-Десятовскаго». Спб., 1882 г., стр. 3).

Кромѣ того, Милютинъ сотрудничалъ въ «Русск. Вѣстн.», «Вѣстникѣ Европы» и другихъ изданіяхъ (Барсуковъ, т. 14, стр. 278—279).

Быстро мелькнули годы спокойныхъ академическихъ занятій и горячаго увлеченія историческимъ трудомъ.

Въ августѣ 1856 г. Милютинъ получилъ отъ кн. А. И. Бястинскаго письмо, въ которомъ говорилось: «Вы знаете, Дмитрій Алексѣевичъ, сколь высоко я васъ цѣню и сколь бы мнѣ было пріятно сочетать мое военное поприще съ вашимъ». Князь просилъ его принять должность начальника главнаго штаба. Милютинъ согласился. Государь сердечно поздравилъ князя съ прекраснымъ выборомъ («Рус. Арх.», 1889, I, стр. 126).

Поздравилъ князя также А. В. Головнинъ: «Я убѣжденъ, что уже однимъ этимъ выборомъ вы оказали большую услугу Кавказу. Милютинъ имѣетъ большія способности, по-истинѣ большой умъ, разнообразныя и глубокія познанія, соединенныя съ благородствомъ характера и теплымъ сердцемъ» («Рус. Арх.», 1888, XII, 555). И дѣйствительно, въ Милютинѣ князь приобрѣлъ преданнаго и умнаго помощника. Милютинъ настолько увлекся Кавказомъ, что сталъ даже просить у бѣдной, больной и разоренной матери—центральной Россіи—разныхъ пожертвованій въ пользу «этой прекрасной иностранки, которая его околдовала и навѣрное не разъ ему измѣнитъ», какъ игриво выразился и предрекалъ А. В. Головнинъ («Рус. Арх.», 1889, I, 138). Въ этомъ повинны

всѣ наши энергичные дѣятели на окраинахъ. Въ результатѣ окраины процвѣли, центръ истощенъ.

Князь А. И. Барятинскій отличался умомъ и стойкимъ характеромъ. Въ исторіи покоренія Кавказа имя его неизгладимо. Но частью своихъ крупныхъ успѣховъ и лавровъ онъ обязанъ подѣлиться съ Милютинымъ и Евдокимовымъ. Кн. Барятинскому труднѣе было бы выполнить свой планъ, въ короткій срокъ, съ такимъ полнымъ успѣхомъ и малою потерею въ людяхъ, безъ Д. А. Милютина и Н. П. Евдокимова (Зиссерманъ). Энергичная помощь Милютина оказалась очень полезной князю также и при проведеніи его реформъ. Милютинъ и Евдокимовъ по казали что значить, когда настоящій человѣкъ поставленъ на соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

Кн. А. И. Барятинскій, видимо, искренно былъ расположенъ къ Д. А. Милютину. «Трудно выразить», писалъ князь въ декабрѣ 1863 г. Милютину, по полученіи его письма, «удовольствіе, доставленное мнѣ видомъ вашего почерка: сколько прекрасныхъ воспоминаній возбудила во мнѣ эта знакомая рука!». («Рус. Арх.», 1889, VI, стр. 290).

Съ 1860 г. Милютинъ выходитъ на болѣе широкую общественную арену, будучи назначенъ товарищемъ военнаго министра, а на слѣдующій годъ ставъ во главѣ всего вѣдомства. Съ этого времени Россія имѣла въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ дѣятелей царствованія Александра II, человѣка, сдѣлавшагося душою всѣхъ преобразованій и сторонникомъ русскаго направленія въ политикѣ. Несмотря на высокій постъ, онъ неизмѣнно сохраняетъ свои многочисленныя привлекательныя качества.

«Можно безъ преувеличенія сказать», писалъ Василій Антоновичъ Инсарскій въ своихъ запискахъ («Рус. Стар.», 1897, сент., стр. 586), «что изъ всѣхъ страстей человѣческихъ Д. А. Милютинъ имѣлъ одну страсть—трудиться. На Кавказѣ онъ вѣчно былъ занятъ дѣлами и велъ трудовую жизнь. Такую же жизнь онъ велъ и въ должности военнаго министра, устраняя всякія наслажденія тщеславія и честолюбія».

Своего рода аскетъ. Рабочій кабинетъ—его сфера. Вотъ черта Милютинскаго характера, которая лично меня особенно восхищаетъ. Милютинъ понялъ и помнилъ, что ни одна слава, ни одно прочное счастье не куплены безъ труда; цивилизація, культура, всякое усовершенствованіе и изобрѣтеніе—колоссальный трудъ. Въ трудѣ, отрада, наслажденіе, поэзія.

Нѣтъ стариковъ, говорилъ энергичный и подвижный графъ Ѡ. Бергъ, есть только лѣнныя. Подобно этому, графъ Милютинъ

утверждалъ: «Вовсе не надо отдыхать, ничего не дѣлая. Нужно только мѣнять работу, и этого довольно. Къ старому, прерванному труду вернешься съ свѣжими силами». Великая правда, провѣренная многими на практикѣ.

Одинъ изъ современниковъ (И. Бартенева) назвалъ Милютина «великимъ трудолюбцемъ». Другой (К. Скальковский)—человѣкомъ, наиболѣе занятымъ во всемъ Петербургѣ. Этимъ хорошо и много сказано.

Великіе трудолюбцы проникаются обыкновенно глубокими убѣждениями и ихъ личности поэтому неизбѣжно вліяютъ на окружающихъ. Силу обаянія Милютина испытали на себѣ, между прочимъ, студенты медицинской академіи. Они какъ-то забурлили. Узнавъ объ этомъ, Дмитрій Алексѣевичъ сейчасъ-же, одинъ, даже безъ адъютанта, явился въ академію. Студенты не встали. Онъ не спѣша вошелъ въ ихъ среду и указалъ, что не только дисциплина, но и вѣжливость требуетъ привѣтствовать старшаго. Студенты смутились и поднялись. Дальнѣйшей его бесѣдой они были окончательно побуждены и смута погашена въ самомъ ея началѣ ¹⁾.

Судя по свидѣтельству современниковъ, Дмитрій Алексѣевичъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и ни у кого не заискивалъ. Вотъ маленькій эпизодъ, проливающий достаточный свѣтъ на эту особенность его характера. Въ Ливадіи (въ 1879 г.) ежедневно къ Царскому столу приглашались нѣкоторыя лица. Гр. Д. А. Милютинъ нѣсколько дней кряду не являлся къ завтраку и однажды Государь, смѣясь, сказалъ: «графъ Дмитрій Алексѣевичъ либеральничаетъ; никогда не приходитъ къ завтраку». Министръ иностранныхъ дѣлъ, Н. К. Гирсъ, очень тяготился необходимостью ежедневно бывать на этихъ завтракахъ и обѣдахъ, ссылаясь на свое утомленіе. «Послѣдуйте примѣру вашего коллеги гр. Милютина», сказалъ ему собесѣдникъ. Н. К. Гирсъ съ нескрываемымъ ужасомъ отвѣтилъ: «Нѣтъ, это невозможно! Государь не высказываетъ, но это ему неприятно. (*«Non, c'est impossible. L'empereur ne dit rien, mais cela lui est désagréable»*) (П. П. Паренсовъ, IV, 157).

¹⁾ Доброта тонкая деликатность его граничили со слабостью. Современникъ графа (Ив. Ив. Веледиктовъ—„Рус. Стар.“. 1905, ноябрь, 333) рассказываетъ, что однажды въ канцелярію военнаго министерства, въ числѣ просителей, явилась барышня, стриженая, въ очкахъ. Она не встала при его приближеніи, протянула ему руку и подала бумагу. Прочтя прошеніе, Милютинъ сказалъ, что ничего сдѣлать не можетъ.—А мнѣ сказали, что вы министръ.—Да, вамъ сказали правду.—Я думала, что разъ министръ, такъ онъ уже все можетъ.—Вы ошиблись.—Ну, не можете, такъ и не надо, отвѣтила барышня, выхватила бумагу, и, размахивая руками направились къ выходу... стуча каблучицами...

Государь, зная сколько Милютинъ работаетъ и цѣня его трудъ, не беспокоилъ его представительствомъ.

Съ трудолюбіемъ и скромностью обычно связаны аккуратность и простота. Милютинъ отличался и тѣмъ, и другимъ. Прося историка Погодина довѣрить ему документы, онъ писалъ: «передавъ ихъ мнѣ—это все равно, что запрете ихъ въ собственномъ шкафу».

Зная цѣну времени, Милютинъ безъ промедленія принималъ докладчиковъ.

Его милая простота была общеизвѣстна. Его пріѣзды ни на кого не наводили страха, какъ это было въ николаевское время, при посѣщеніи высшаго начальства. «Не даромъ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ П. А. Крыжановскій, нашъ старый швейцаръ оставался совершенно недоволенъ Милютинымъ: «Что это за военный министръ, говорилъ онъ, влетитъ въ переднюю, какъ прапорщикъ, сброситъ шинель на руки кому попало, и не успѣешь оглянуться, какъ онъ очутится уже наверху лѣстницы. То ли дѣло былъ князь Чернышевъ: прикатить съ адъютантами; въ передней его ждуть офицеры, шинель прикажетъ взять непременно швейцару и скажетъ громко: «проводи», и только тогда двинется далѣе. Всѣ боялись, трепетали, а этотъ что? пріѣзжаетъ, какъ простой офицеръ» (П. А. Крыжановскій. «Истор. Вѣстн.», 1910, май, стр. 469).

Да, какъ простой офицеръ!.. А какой получается изъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ чертъ привлекательный нравственный обликъ, когда знаешь, что этотъ человѣкъ являлся ближайшимъ совѣтникомъ Повелителя великой Имперіи, что въ немъ *крылся рыдкій* государственный умъ, и что онъ приложилъ свою вліятельную руку ко всѣмъ великимъ реформамъ славной эпохи Россіи! Скромность свидѣтельствуетъ о сильномъ умѣ. Скромность придаетъ особый привлекательный блескъ всему облику Милютина.

Въ шестидесятыхъ годахъ правительство развернуло обширную программу преобразованій. Все въ Россіи пришло въ движеніе. «Дрожь пробужденія пробѣжала по всему государству». «То было въ утро нашихъ лѣтъ». Отмѣна крѣпостного права, новые судебные уставы и всеобщая воинская повинность вели къ установленію равноправія. Земская реформа вызывала личную предприимчивость. Гласность явилась бичемъ для темныхъ инстинктовъ и т. д.

Военное вѣдомство также охвачено было реформами, проникшими всю его жизнь сверху до низу—школу и казарму, строй и домашній бытъ. Результаты дѣятельности гр. Д. А. Милютина

«и громадны, и полезны» (Рескриптъ 22-го мая 1881 г.). Подъ все военное вѣдомство было подведено новое основаніе и оно двинулось по новому пути.

Можно было радоваться за Россію, что на важный постъ военнаго министра попалъ достойный человекъ. Надлежало «возблагодарить боговъ (какъ выразился древній ораторъ), что онъ родился не въ другой, а въ нашей странѣ». Но самъ-то гр. Милютинъ былъ своего рода мученикомъ, страдальцемъ за своихъ современниковъ, недочеты которыхъ нужно было исправить. Честно неся бремя тяжелаго долга, онъ выдержалъ утомительную житейскую борьбу, много перестрадалъ и перечувствовалъ; не говорю уже о шипѣни злобной интриги, шипѣни, сопровождающемъ каждаго выдающагося дѣятеля. Онъ достигъ великихъ почестей, внѣшнихъ отличій, пользовался любовью Государя и, наконецъ, заслуженной славой... «Осыпанъ, дивно вознесенъ». «Но иглы тайныя сурово язвили славное чело». Слава нерѣдко своего рода бремя. «Вѣнецъ пѣвца—вѣнецъ терновый», сказалъ поэтъ. Слава реформатора—удручающая ноша, тяжелая слава...

На своемъ пути Милютинъ встрѣтился съ графомъ Д. А. Толстымъ—фанатикомъ классическаго образованія. Онъ крѣпко схватывался съ нимъ въ Государственнolz Совѣтѣ, разя его «блистательною рѣчью», какъ отмѣтилъ современникъ Никитенко (III, 271). Милютину пришлось, между прочимъ, доказывать, что «науки сами по себѣ не имѣютъ способности дѣлать человека нравственнымъ или матеріалистомъ, внушать ему скромность или самоуниженіе; благотѣльное или вредное вліяніе обученія зависитъ отъ пріемовъ обученія, а не отъ сущности самой науки» (Д. А. Милютинъ). Въ противовѣсъ толстовскому классицизму, Милютинъ создавалъ сѣть реального образованія.

«Въ газетахъ рассказываются странныя вещи о медицинской академіи, читаемъ въ тѣхъ же запискахъ Никитенки. Все это направлено противъ военнаго министра, съ которымъ министръ народнаго просвѣщенія пререкался жестоко по поводу военной повинности. Послѣдній былъ противъ льготъ по образованію; Милютинъ ихъ отстаивалъ и успѣлъ отстоять. Затѣмъ министръ народнаго просвѣщенія употребляетъ всѣ свои усилія, чтобы медицинскую академію взять въ свои руки; вотъ изъ-за чего возникла новая борьба». (А. В. Никитенко, стр. 355).

Молодой министр убѣдился затѣмъ въ необходимости пересозданія кадетскихъ корпусовъ. Онъ видѣлъ, что лучшіе изъ извѣстныхъ ему (по Кавказу) офицеровъ вышли изъ другихъ учеб-

ныхъ заведеній. Онъ замѣтилъ, что почти всѣ корпуса «перебунтовали». Хроника бунтовъ начиналась забрасываніемъ экономовъ пирогами и кончалась избіеніемъ директоровъ, при крѣпкомъ товарищескомъ паролѣ кадетъ: «не выдавать другъ друга». Воспитатели и воспитанники составляли два враждебныхъ лагеря (В. С. Кривенко). Наконецъ, въ цѣлесообразности реформы его поддержалъ Александръ Васильевичъ Головинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей 1860-хъ годовъ, занимавшій тогда постъ министра народнаго просвѣщенія. («Рус. Стар.» 1887, сент., стр. 663 и др.).

«Я кадетъ любилъ и люблю, какъ дѣтей своихъ, сказалъ Государь; Я ихъ берегъ, но вижу, что теперь Мнѣ не удастся сберечь корпуса; чувствую, что придется склониться къ производству коренныхъ переменъ; Мнѣ жаль кадетъ, но надо отнять у нихъ возможность такъ неосторожно и неблагоразумно-распущенно вести себя», читаемъ въ воспоминаніяхъ одного современника («Рус. Стар.» 1908, окт., стр. 43).

Прежніе корпуса давали хорошую для своего времени военную закваску: они сближали кадетъ, развивая духъ крѣпкаго товарищества, они давали офицеровъ, преданныхъ Государю. Но, съ другой стороны, они забыли слово «воспитать» и замѣнили его словомъ «вышколить», они знали побои да розги. «Драть» — считалось универсальнымъ средствомъ. Среди кадетъ развился культъ молодечества, но молодечества грубаго, внѣшняго. Наиболѣе распространеннымъ типомъ кадета являлся тотъ, кто смотрѣлъ изъ-подлобья, говорилъ грубымъ голосомъ, ходилъ въ развалку, не мылся и не чесался. «Когда я, будучи кадетомъ», пишетъ ген. А. П. Скугаревскій, «прочелъ «Зимній вечеръ въ бурсѣ», то мнѣ показалось, что Помяловскій списалъ свои сцены съ нашего быта; до того было велико сходство внутренняго строя тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ и семинарій».

Казалось, что при описанныхъ условіяхъ реформа была неизбежна (См. «Очерки и Замѣтки» вып. 2, Скугаревского, Вильна, 1901 г.).

Вмѣсто корпусовъ явились военныя гимназіи и... начались нареканія, не прекращающіяся до нашихъ дней. Въ 1889, 1890 и 1891 гг. противъ военныхъ гимназій гремѣлъ покоритель Ташкента М. Г. Черняевъ («Рус. Вѣстн.»). На защиту гимназій поднялись почтенные «милютинцы», не боявшіеся сарказма противниковъ и съ гордостью носившіе названіе «милютинцевъ».

Переименованіе было встрѣчено кадетами несочувственно. «Выраженіе «военный гимназистъ» чрезвычайно шокировало кадетское ухо и большинство воспитанниковъ, по крайней мѣрѣ, въ мое время», пишетъ В. С. Кривенко, «всегда именовали заведеніе «корпусомъ, а себя—кадетами или воспитанниками. Враждебно встрѣтила молодежь и не военныхъ воспитателей».

Многіе изъ питомцевъ военныхъ гимназій украсили свою грудь георгіевскими крестами. Среди нихъ не забыты были преданія Вородина, Лейпцига, Кульма. Офицеры показали себя подъ Горнымъ Дубнякомъ, въ дни Забалканскаго зимняго перехода, на Кавказскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій (В. С. Кривенко «Общія и военныя школы»). Возвращеніе къ типу корпусовъ К. Д. Кавелинъ считалъ «искалѣченіемъ военныхъ гимназій». («Вѣст. Евр.» 1900, I, стр. 17).

Иначе взглянули на дѣло другіе современники.

«Этими учебными заведеніями», продолжаетъ современникъ гр. Милютинъ, «Дмитрій Алексѣевичъ нанесъ большой ущербъ нашей арміи; учрежденіе ихъ много напортило дѣлу формированія состава офицеровъ. И что это въ самомъ дѣлѣ за заведеніе—военная гимназія!!! что-то совершенно гермафродитское» («Рус. Стар.» 1908, ноябрь, стр. 371).

Генераль А. Пузыревскій писалъ: «Военныя училища и гимназіи замѣнили собою въ 1863 г. бывшіе кадетскіе корпуса. Такая реформа, основанная на слишкомъ общихъ теоретическихъ соображеніяхъ, не была удачной. Кадеты, воспитанные въ школѣ строгой военной дисциплины, товарищескаго единодушія и воинскихъ доблестей, организованные по военному съ малолѣтства и съ дѣтства же получившіе военную подготовку, отвѣчали болѣе суровымъ требованіямъ войны, нежели гимназисты, выпущенные въ офицеры послѣ двухлѣтняго пребыванія въ спеціальныхъ военныхъ училищахъ». (А. Пузыревскій. Русская армія передъ войной 1877—1878 гг.).

Милютину пришлось также проводить большую военную реформу на Финляндской окраинѣ и онъ очень сѣтовалъ, что Государь не раздѣлил вполнѣ его мнѣнія и не слилъ тогда въ военномъ отношеніи эту окраину тѣснѣе съ Россіей (гр. Витте. «Рус. Слово», 1912 г., 26 января).

Нельзя не рассказать еще поучительной и грустной исторіи милютинскаго «Рус. Инвалида».

Въ 1863 г. «Русскій Инвалидъ», находившійся ранѣе въ частной арендѣ, перешелъ въ завѣдываніе военнаго министерства и

только въ своей официальной части сдѣлался его органомъ. Неофициальный отдѣлъ былъ оставленъ самостоятельнымъ. Въ 1865 г. главное редакторство «Рус. Инвалида» принялъ полковникъ С. П. Зыковъ. Въ газетѣ сотрудничали такія силы, какъ А. П. Бекетовъ, А. Б. Бушень, Б. П. Буренинъ, А. О. Гильфердингъ, А. П. Заболоцкій, М. І. Кояловичъ, кн. В. М. Мещерскій, В. И. Ламанскій, Н. А. Милютинъ, А. С. Суворинъ, Е. М. Феокистовъ. Кромѣ того, газета имѣла своихъ заграничныхъ корреспондентовъ.

Статьи, касавшіяся внѣшней политики, обязательно прочитывались министру Милютину и, такъ какъ онъ избѣгалъ поводовъ къ претензіямъ со стороны кн. Горчакова, то онѣ были обыкновенно «жиге воды». Въ обсужденіи внутренней политики была предоставлена извѣстная свобода ²⁾).

«Русскій Инвалидъ» изъ спеціально-военнаго органа превратился въ серьезную политическую газету. Его даровитые сотрудники заговорили смѣлымъ и неподкупнымъ языкомъ. Россія, какъ всегда, нуждалась въ этомъ независимомъ голосѣ. Потаповъ выживалъ русскихъ людей изъ Сѣверо-Западнаго края. Поляки надѣялись вновь устроить свое войско. Артилерійское вѣдомство отдало казенные ружейные заводы въ частныя руки, нажившія огромные капиталы. Военныя реформы подвергались огульному осужденію извѣстной части печати. Прибалтійскіе нѣмцы указывали на свою тѣсную связь съ Германіей и не упускали случая порочить все русское. Ихъ развязность простерлась такъ далеко, что какой-то остзейскій герихтъ объявилъ генераль-губернатору, генераль-адъютанту Альбединскому, выговоръ за то, что онъ осмѣлился написать герихту бумагу на русскомъ языкѣ. И русскій генераль «безмолвно перенесъ оскорбленіе». И т. д. При такихъ условіяхъ русской независимой газетѣ приходилось серьезно бороться на нѣсколько фронтовъ. Дмитрій Алексѣевичъ, какъ истинно государственный мужъ, строго оберегалъ русскіе интересы и одобрительно относился къ статьямъ, разоблачавшимъ всякія злоупотребленія; горячій поклонникъ широкой гласности, онъ стремился искоренить зло вездѣ при посредствѣ свободной печати. Анонимы и доносы, бывшіе ранѣе въ большомъ ходу, болѣе не поощрялись.

²⁾ Военный цензоръ Штюрмеръ одно время не обязанъ былъ наблюдать за «Русскимъ Инвалидомъ», надъ которымъ единственнымъ цензоромъ былъ военный министръ. Тѣмъ не менѣе Штюрмеръ, по старой привычкѣ, подавалъ Милютину записки со своими замѣчаніями о статьяхъ газеты. Милютинъ съ добродушною улыбкою вручалъ ихъ редактору С. П. Зыкову и иногда оказывалось, что статья, представленная Государю и разрѣшенная къ печати, признавалась Штюрмеромъ неудобной для газеты. («Рус. Стар.» 1910, апр., 143—144).

Когда дѣло о казенныхъ ружейныхъ заводахъ сдѣлалось притчей во-языцѣхъ, Милютинъ сразу предложилъ генералу Баранцеву опровергнуть кривотолки опубликованіемъ фактовъ. «Да развѣ можно имѣть дѣло съ нашими газетчиками, съ этимъ сбродомъ?» возразилъ Баранцевъ.

Польза гласности являлась для Милютина аксіомой. Во время войны 1877—1878 г. онъ выразилъ Великому Князю Главнокомандующему сожалѣніе, что читающей публикѣ ничего не сообщается о пребываніи Государя при арміи, будто его вовсе нѣтъ (М. Газенкампфъ, стр. 145). Сообщенія появились.

При «Русскомъ Инвалидѣ» секретнымъ образомъ издавалась еще «Correspondance Russe», выходившая разъ въ недѣлю; она посылалась въ редакціи заграничныхъ газетъ. Статьи «Correspondance» оказывали извѣстное вліяніе на иностранную печать, что долженъ былъ признать и кн. Горчаковъ, сказавъ однажды редактору С. П. Зыкову: «Я не ожидалъ такого большого успѣха».

Но, къ сожалѣнію, такъ дѣло продолжалось недолго (лишь до 1868 г.). Извѣстному триумvirату—графу Шувалову, Валуеву и Тимашеву, не понравилась смѣлая защита «Инвалидомъ» русскихъ интересовъ. Они тонкой лестью, въ обилии пущенной въ ходъ въ высшихъ сферахъ, оклеветали изданіе, говоря, что его тонъ и статьи рѣзки и неудобны для официального органа военного министерства, что она возбуждаетъ неосуществимыя надежды крестьянъ и т. п.

Цѣль была достигнута. Довѣріе къ «Русскому Инвалиду» было подорвано и Россія, взявъ его, получила «Правительственный Вѣстникъ». Печать оказалась «подъ тяжелымъ прессомъ» элегантныхъ по внѣшности Шувалова и Валуева. Полезный и независимый милютинскій «Русскій Инвалидъ» смолкъ и никто болѣе не раздражалъ нервовъ этихъ сановниковъ (Зыковъ. «Рус. Стар.», 1910, іюль). Труды Милютина по созданію независимой печати пошли прахомъ.

Но все это мелочи въ сравненіи съ тѣмъ, что пришлось Милютину пережить и перечувствовать при осуществленіи главной его реформы.

М. Бородкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

